

© 1990 г.

ХЕГЕР К.

НОЭМА КАК TERTIUM COMPARATIONIS ПРИ СРАВНЕНИИ ЯЗЫКОВ

0. Введение

0.1. Задачи работы

Излагаемая ниже концепция ноэматического *tertium comparationis*, используемого при сравнении языков, ориентированном на означаемое, возникла в последние 30 лет в результате усилий лингвистов представить теоретические предпосылки языкового сравнения в наиболее эксплицитной форме. То, что отдельные языки в том или ином отношении сопоставимы и могут сравниваться друг с другом по меньшей мере в неявном виде, является предпосылкой любой области сравнительного языкознания и переводческой деятельности. Более того, именно опыты языкового сравнения и соответственно выяснение сущности феномена различия и сравнимости отдельных естественных языков находились в центре внимания наиболее ранних исследований по языкознанию, теории языка и лингвистической философии. В качестве древнейшего из известных примеров можно упомянуть решавшуюся около четырех тысяч лет назад задачу по переводу с шумерского на аккадский.

Предпосылкой всякого сравнения является наличие по меньшей мере двух сравниваемых объектов (*comparanda*) и одного основания сравнения (*tertium comparationis*); для научно обоснованного сравнения необходимо, чтобы *comparanda* и *tertium comparationis* были представлены в эксплицитном виде. Применительно к *comparanda* при языковом сравнении отдельных языков это требование соблюдается в той мере, насколько адекватен их анализ и основывающееся на нем описание. В то время как для некоторых языков это условие выполняется хотя и не идеальным, но, по-видимому, более или менее удовлетворительным образом, в отношении требуемых *tertium comparationis* дело обстоит несколько иначе. В особенности это касается различия между возможностью при сравнении фонем и фонологических систем различных языков [т. е. при сравнении служащих для различения значения единиц (второе членение — «*deuxième articulation*» — по А. Мартине), которые принадлежат исключительно сфере означающего (Ф. де Соссюр) языкового знака] более или менее однозначно эксплицировать фонетически определенные или поддающиеся определению *tertium comparationis*, с одной стороны, и традицией вообще не эксплицировать или эксплицировать не слишком убедительным образом *tertium comparationis*, используемые при сравнении значащих единиц первого членения («*première articulation*»), т. е. при сравнении, ориентированном на означаемое, с другой стороны. Речь идет либо о категориях, соотносимых с одним из сравниваемых языков или с третьим языком (раньше это обычно была латынь, а в наши дни, в соответствии с ориентацией школь-

ного образования, английский), либо о таких подставляемых по мере необходимости внеязыковых денотатах, которые были гипотезированы в *tertium comparationis*. В первом случае нарушается условие, согласно которому *tertium comparationis* при сравнении отдельных языков не должно быть одним из них, во втором — условие, согласно которому *tertium comparationis* должно быть достаточно тесно связано и сопоставимо в рамках теории с *comparanda*.

В этой ситуации естественно было бы поставить вопрос о более подходящем *tertium comparationis* для языкового сравнения, ориентированном на означаемое, и попытаться ответить на него, чтобы решить следующие задачи:

1. Существующие модели языкового знака должны быть усовершенствованы таким образом, чтобы в них нашлось место единицам, не связанным с конкретными языками, т. е. не зависящим от особенностей одного или нескольких конкретных языков, но достаточно тесно связанным с языком в целом и в этом смысле не являющимся внеязыковыми [1], — ноэмами, причем была бы обеспечена их сопоставимость в рамках теории со знаками отдельных языков, предусмотренными в качестве *comparanda* (см. ниже § 1).

2. Необходимая для таких ноэм независимость от конкретных языков должна быть доказана как в общем виде, так и с помощью примеров — путем построения по меньшей мере нескольких частных ноэматических систем (см. ниже § 2).

3. Учитывая возможность того, что одна и та же ноэматическая категория в одном языке может быть выражена лексическими средствами, в другом — морфосинтаксическими, в третьем — с помощью целого предложения, а в четвертом — с помощью перифраз еще большего объема, должна быть построена иерархия значащих единиц различной протяженности, которые на уровне абстракции, соответствующем системам языка (*langue*), могут быть названы с и г н е м а м и (см. ниже § 3).

0.2. Исторический экскурс

Основные теоретические предпосылки рассматриваемой концепции были заложены представителями различных европейских школ преимущественно структуралистского направления. Имена Соссюра и Мартине уже были названы во Введении. Решающую роль в возникновении рассматриваемой здесь концепции сыграла «Теория языка» К. Бюлера [3—5]. Это относится и к попыткам найти подходящее *tertium comparationis* с целью «зафиксировать принципы сопоставления, позволяющие систематизировать все существующие различия при универсальном сравнении человеческих языков» [2, с. XXII], и к решению отдельных задач, связанных с построением моделей знака (см. ниже § 1.2), и к построению фрагментов ноэматических систем (см. ниже § 2.2), и к разработке свободной от тривиальной рекурсивности иерархии сигнемных рангов (см. ниже § 3.1.3.). Помимо Бюлера, важную роль сыграли идеи, связанные с традицией Пражской школы, — речь идет о построенных Э. Кошмидером фрагментах ноэматических систем временного дейксиса (ср. [6, 7]) и о необходимой для построения иерархии сигнемных рангов актантной модели, разработанной в «Структурном синтаксисе» Л. Теньера [8]. Для усовершенствования существующих моделей знака не меньшее значение имели работы моего учителя и друга К. Балдингера (ср. [9]) и нашедшие в них продолжение идеи нашего общего учителя В. фон Вартбурга — в особенности идея о комплементарности семасиологии и ономасиологии.

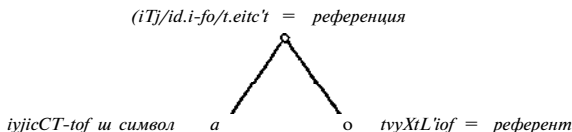

Рис. 1.

сигнификат семема поэма I

сигнификант

элемент/класс

Рис. 2.

Из числа франкоязычных структуралистов, помимо Соссюра и Мартине, следует упомянуть работы Б. Поттье и А. Греймаса. Наконец, я обязан идеям, возникшим на последних этапах создания моей теории, тесному сотрудничеству с руководимой Г.-Я. Зайлером Кёльнской группой по исследованию универсалий (УНИТИП) (ср. [10]).

1. Модель знака

1.1. Построение

Путь, который привел автора от классического семантического треугольника в том виде, в каком он был описан в 1923 г. Ч. К. Огденом и А. А. Ричардсон [11] (ср. рис. 1), и от использовавшейся в большинстве моих работ трапециоидной модели (см. рис. 2) к гораздо более сложному многоугольнику, детально описан в [12]. В двенадцатиугольнике разграничиваются — строго параллельно для означающего и означаемого — четыре качественно различных и два количественно различных уровня. При этом четыре качественно неодинаковых уровня соответствуют различению: 1) формы (= уровень 1) и 2) субстанции (= уровень 2), на которые, вслед за Соссюром, обратил внимание Л. Ельмслев, 3) представления говорящего, оперирующего знаком, об означающем (= соссюрговскому акустическому образу — «image acoustique») и означаемом [= «представлению о предмете» («Dingvorstellung»), ср. [13] (= уровень 3)] и, наконец, 4) обеих точек основания классического треугольника, т. е. от $\frac{a}{b}$ и $\frac{b}{a}$, понимаемого как четырехмерное множество или класс множеств акустических (в случае письменной речи — оптических) пространственно-временных координат (= символу, соссюрговской фонической форме — «forme phonique»), и $\frac{a}{b}$ и $\frac{b}{a}$, понимаемого как n-мерное множество точек (= референту), т. е. как денотат, который можно представить в виде элемента или класса таких элементов (= уровень 4).

На уровне 2 предусмотрены два дополнительных количественно различных уровня, которые первоначально были введены для анализа означаемых, но могут быть также весьма полезны для анализа означающих. Это разграничение отражает, во-первых, осуществляющийся в два этапа

процесс, разработанный на основе трудов Б. Поттье (см. особенно [14]), во-вторых, применяемый на обоих этапах метод и, в-третьих, предусмотренные на первом из этих этапов итоговые единицы; их различие заключается исключительно в предусмотренном на втором этапе конечном результате. Первый этап связан с явлениями полисемии и/или омонимии и предусматривает возможность описывать сигнификат в виде дизъюнкции различных семем; по аналогии представляется целесообразным описывать (абстрактную) фонему в виде дизъюнкции конкретно-языковых аллофонов (аллофонем), находящихся в дополнительной дистрибуции в соответствии с теми или иными критериями. Следующий за этим второй этап соответствует тому, что* известно под названием компонентного анализа, и восходит в конечном счете к классическому определению по родовой близости и видовому отличию (*definitio per genus proximum et differentiam specificam*), от которого он отличается лишь тем, что принципы родовой близости (*genus proximum*) и видового отличия (*differentia specifica*) взаимозаменяемы. Тем самым исключается иллюзия универсальной понятийной пирамиды.

В терминах конъюнкций компонентов на втором этапе могут описываться семемы и аллофонемы; причем статус этих компонентов таков, что позволяет разграничить два дополнительных уровня: на уровне 2а в качестве такого рода компонентов предусматриваются минимально-дистинктивные и, тем самым, по определению, специфические для соответствующего конкретного языка признаки, которые в качестве компонентов семем носят название сем, а в качестве компонентов аллофоне — обычное название д и с т и н к т и в н ы х п р и з н а к о в; на уровне 2б, предусматриваются не связанные с конкретными языками компоненты, которые в качестве компонентов семем называются н о з м а м и, а в качестве компонентов аллофоне — ф о н е т и ч е с к и м и п р и з н а к а м и.

Проблема независимости нозм от конкретного языка будет подробно рассмотрена в § 2. Здесь же будут даны некоторые разъяснения по поводу неожиданного на первый взгляд разграничения между дистинктивными и фонетическими признаками (алло)фонем. Хорошо известна возможность разложения (алло)фонем на дистинктивные и/или фонетические признаки; меньше внимания обычно уделялось неясному с терминологической точки зрения вопросу относительно необходимой степени точности фонетического описания этих признаков. Здесь важно различать, с одной стороны, специфические конкретно-языковые д и с т и н к т и в н ы е п р и з н а к и, фонетическое описание которых должно быть настолько точным, чтобы их можно было отличить от других дистинктивных признаков того же языка; в этом смысле, например, высказывание о том, что оппозиция фонем /p/ vs. /b/ соответствует оппозиции признаков «глухой» vs. «звонкий», может быть принято и для немецкого, и для французского языков; с другой стороны, следует учитывать не связанные с конкретным языком ф о н е т и ч е с к и е п р и з н а к и, фонетическое описание которых должно быть настолько точным, чтобы учесть все релевантные различия между отдельными конкретными языками; в этом смысле немецкий и французский различаются как раз тем, что оппозиция фонем /p/ vs. /b/ основывается во французском на противопоставлении признаков «глухой» vs. «звонкий», а в немецком — в первую очередь на противопоставлении признаков «сильный» («fortis») vs. «слабый» («lenis») и, кроме того, на диатонически ярко выраженной вторичной оппозиции признаков «придыхательный» vs. «непридыхательный», причем оба члена оппозиции являются глухими.

1.2. Означающее : означаемое

Прежде чем перейти к итоговому описанию различных составных частей уточненной модели знака и построению общей схемы, необходимо указать еще на одну проблему, которая, на первый взгляд, возникает при попытке следовать строгому параллелизму при анализе означающего и означаемого. Как известно, означаемому обычно соответствует означающее, представляющее собой упорядоченную и иногда даже прерывную последовательность фонем, а не отдельную фонему, определяемую, по А. Мартине, как минимальный сегмент «второго членения». Но не следует на основании этого подвергать сомнению правомерность описываемой ниже схемы, поскольку соответствующая ей модель знака в плане означаемого также может считаться адекватной для минимальных сегментов, т. е. для того, что, вслед за А. Мартине, можно назвать монемами. Разумеется, с каждой из двух сторон знака существуют и неминимальные сегменты, для которых эта модель *mutatis mutandis* также должна быть справедлива. Что же касается единиц, служащих для различения значения («второе членение», по Мартине), то здесь можно было бы упомянуть противопоставление акцентных последовательностей (например, исп. *termino* : *termino*) vs. «нисходящий» или тактематические противопоставления в области порядка слов. Эксплицитное представление неминимальных сегментов в плане означаемого — задача иерархизации сигнемных рангов (см. ниже § 3.), но уже сейчас следует тем не менее подчеркнуть, что означаемое значащей единицы («первое членение», по Мартине) независимо от того, какому сигнемному рангу оно принадлежит, не может подвергаться никаким неоднозначно сформулированным ограничениям: например, различаемые К. Бюлером в его модели Органона (см. [2, с. 24—33]) функция симптома, или функция экспрессии, и функция сигнала, или апеллятивная, являются компонентами одного сигнификата на том же основании, что и функция символа, или репрезентативная (см. ниже § 4.).

1.3. Выводы

Составные части уточненной описанным выше образом модели знака могут быть схематически представлены в следующем виде (см. табл. 1). Два из шести различающихся на этой схеме уровней особенно важны для решения наших задач. Уровень 2b — это место перехода от связанного с конкретным языком сигнификата к независимой от конкретного языка ноэме; в качестве решающего для этого перехода связующего звена выступает семема, которую можно представить как в виде дизъюнктивного элемента конкретно-языкового сигнификата, так и в виде конъюнкции независимых от конкретного языка ноэм. Аналогичным образом локализуемое на уровне 3 представление о предмете («Dingvorstellung») в зависимости от того, интерпретируется ли оно (в рамках антропологически универсальной концепции языковой психологии) в качестве языковой единицы или же (в рамках физической нейрофизиологии) в качестве внеязыковой единицы (это различие теснейшим образом связано с вопросом о соотношении языка и мышления, который здесь не рассматривается), является точкой перехода от языковой (в самом общем смысле) к внеязыковой области, в связи с чем ноэма предстает как единица, которая не является внеязыковой, но в то же время не принадлежит ни одному конкретному языку.

Уровень	Означающее	Означаемое
1	сигнема выражения	сигнема содержания
2	сигнификат	сигнификат
2а	фонема ↓ аллофонема ↓ дистинктивный признак	сигнификат ↓ семема ↓ сема
2б	фонема ↓ аллофонема ↓ фонетический признак	сигнификат ↓ семема ↓ ноэма
3	акустический образ	представление о предмете
4	фонетическая форма	денотат

2. Независимость от конкретного языка

2.1. Обоснование статуса ноэмы

Из приведенного в § 1 описания уровня 2б модели знака можно было бы заключить, что для «отыскания» ноэмы достаточно лишь подвергнуть семему данной конкретно-языковой значащей единицы достаточно глубокому компонентному анализу. Если бы это действительно было так — т. е. если, например, достаточно было бы разложить латинскую словоформу *\nec-a-ba-n-t* «(они)убивали» на компоненты «каузатив», «отрицание», «живой», «I спряжение», «имперфект», «множественное число» и «3 лицо» и все эти компоненты квалифицировать как ноэмы, — тогда ноэма оказалась бы всего лишь новым термином для обозначения гипостазированной в *tertium comparationis* конкретно-языковой категории, против чего в § 0.1. были выдвинуты серьезные возражения. Не подлежит, конечно, сомнению, что описанный метод — особенно в тех случаях, когда он применяется к значащим единицам большого числа максимально различающихся по своей структуре языков, — представляет немалую эвристическую ценность и облегчает ответ на вопрос, в каких областях особенно необходимо и/или плодотворно определение ноэм как *tertium comparationis* для языкового сравнения; тем не менее этот метод не может ни при каких обстоятельствах служить заменой требуемого обоснования независимости ноэмы от конкретного языка, т. е. обоснования ноэмного статуса компонента семемы.

Это обоснование может строиться лишь следующим образом: каждая ноэма должна соотноситься со строго отведенным ей местом внутри независимой от условий того или иного конкретного языка системы отношений. В качестве наиболее подходящих для этой цели систем отношений

(по крайней мере до сих пор) приводились реализуемые *ad libitum* комбинаторики, которые к тому же обладают тем преимуществом, что всегда могут быть подвергнуты необходимому количеству субспецификаций. Разумеется, здесь не может быть речи о чисто формальных комбинаториках; скорее необходимы содержательные послылки, аксиоматически заданные и невыводимые из подобного рода комбинаторик; для этих посылок в свою очередь требуется обоснование независимости от конкретного языка. Степень трудности такого обоснования может быть различной. С одной стороны, для посылок, получаемых на основании коммуникативных (например, в случае дейктических категорий) или антропологических (например, для системы терминов родства) универсалий, независимость от конкретного языка лежит на поверхности, и возможен даже случай, когда вполне традиционные описания языка — хотя бы имплицитно, — как правило, строятся на основе нозматических, а не конкретно-языковых критериев: числительные обычно приводятся в арифметическом порядке и не упорядочиваются или же упорядочиваются лишь вторично в соответствии с конкретно-языковыми критериями. С другой стороны, есть, конечно, и такие сферы — главным образом все те, которые связаны со спецификой социокультурных характеристик, — в которых обоснование независимости применяемых посылок от конкретного языка может быть осуществлено лишь достаточно сложным косвенным путем.

Все построенные таким образом комбинаторики могут, разумеется, выступать лишь в качестве частных нозматических систем; тем самым, по определению, исключается возможность построения глобальной нозматической системы, сравнимой с упомянутой в § 1.1. универсальной понятийной пирамидой. Причиной частного характера фрагментов нозматической системы является, во-первых, неограниченная рекурсивная повторяемость («Iterierbarkeit») многочисленных комбинаторик и, во-вторых, их способность подвергаться субспецификации, основывающаяся также на неограниченной способности к взаимному комбинированию различных комбинаторик друг с другом.

2.2. Частная нозматическая система личного дейксиса

Идеальным примером такой комбинаторики может служить предложенный впервые в [15] фрагмент нозматической системы личного дейксиса на его нижних комбинаторных ступенях. Посылками этой системы служат дейктическое поле, которое можно представить в виде обычной системы координат (см. [2, с. 102]), фиксация в качестве начала координат (точки отсчета, или нулевой точки) отправителя соответствующего речевого сообщения и оппозиция, которую любая категория образует со своим отрицанием. Для полноты следует отметить, что рассматриваемые К. Бюлером начальные точки координат (см. выше) временного и пространственного дейксиса, получаемые путем простого комбинирования с антропологически универсальными одноступенчатыми категориями (одномерного) времени и (трехмерного) пространства, могут быть превращены в послылки других нозматических систем. На первой ступени реализации комбинаторики может быть задана лишь оппозиция между нулевой точкой (0) дейктического поля, отождествляемой с отправителем соответствующего сообщения (Е), и всеми отличными от нее ненулевыми точками (0). На второй ступени этот весьма неопределенный негативно заданный объект 0, характеризизуемый участием в коммуникативном акте Е (в случае монолога — как адресат, в случае диалога — как потенциальный отправитель в другой момент времени), может быть подразделен на участ-

вующие в коммуникативном акте Е (0Е) и на не участвующие в нем (0Е̇) ненулевые точки. Между прочим, это делает естественной замену обозначения 0 для нулевой точки, участвующей в Е по определению, на 0Е. На третьей ступени остающийся пока неопределенным негативно заданный объект 0Е путем повторного и более детального соотнесения с Е и, соответственно, с определенными ранее нозматическими категориями ^личного дейкиса может быть подразделен, например, на 0Е̇ (0) и 0Е(0), а последний, на четвертой ступени, — на 0Е(0Е) и 0Е(0Е̇) и т. д. Простейшим примером ономаσιологического отображения конкретно-языковых сигнем, семемы которых соответствуют обнаруженным таким образом нозмам (т. е. идентичны с ними или содержат их в качестве компонентов), на соответствующие фрагменты нозматических систем, могут служить два следующих ряда:

	0Е	0Е	0Е(0)	0Е(0)
Немецкий:	<i>ich</i>	<i>du</i>	<i>dirsr(rf</l/s)</i>	<i>jene(rf%ls)</i>
	<i>№</i>	0Е	0Е(0Е̇)	0Е(0Е) 0Е(0Е̇)
Латинский:	<i>ego</i>	<i>tu</i>	<i>h(i/aelo)c</i>	<i>ist(e jajud) ill(ejajud)</i>
	«Я»	«Ты»	*эт(от/а/о)»	«Т(от/а/о)»

2.3. Ономаσιологическое отображение и конкретно-языковая структура

Уже этот элементарный пример показывает, что ономаσιологическое отображение конкретно-языковых сигнем на фрагменты нозматических систем никоим образом не может претендовать на то, чтобы заменять репрезентацию конкретно-языковых структур. В этом смысле уже простое трехчленное противопоставление 0Е ^ «1 лицо», 0Е ss «2 лицо» и 0Е̇ ^ «3 лицо» при применении к материалу немецкого языка привело бы к необходимости сделать следующий шаг и учесть оппозицию

er : sie : es.

Но для решения этой задачи в рамках ономаσιологического отображения было бы необходимо, чтобы это отображение осуществлялось на фрагменте нозматической системы, которую можно было бы получить только в результате комбинирования описанного здесь фрагмента системы личного дейкиса с другим фрагментом нозматической системы, что соответствует релевантным для немецкого языка параметрам противопоставления по роду. Описание конкретно-языковых структур, включая необходимый для этого семасиологический анализ, с одной стороны, и создание не зависимо от конкретных языков нозматического *tertium comparationis*, в том числе ономаσιологическое отображение соответствующих конкретно-языковых сигнем на это последнее, с другой, — слишком различные задачи, чтобы их можно было решить в рамках одного исследования.

3. Иерархия сигнемных рангов

3.1. Общие принципы

Необходимая для адекватного описания неминимальных сигнем (см. выше § 1.2.) иерархия сигнемных рангов предполагает соблюдение при ее построении следующих четырех принципов.

3.1.1. Принцип исчерпывающего характера иерархии

Чтобы построить из единиц любого рода иерархию, которая носила бы исчерпывающий характер и не ограничивалась самопроизвольно своими собственными послылками, необходим либо применяемый к наименьшим

единицам асцендентный метод, либо, наоборот^ применяемый к наибольшим единицам десцендентный метод.

3.1.2. Принцип асцендентности

Поскольку при исследовании значащих языковых единиц на нынешнем уровне лингвистических знаний менее рискованно рассматривать в качестве определенных или по крайней мере определяемых удовлетворительным образом именно наименьшие, а не наибольшие единицы, существует возможность применения лишь первого из двух предусмотренных в § 3.1.1. методов. Этот использующийся, таким образом, по необходимости метод, применяемый к наименьшим единицам, предусматривает построение иерархии асцендентным способом (по восходящей — от меньших единиц к большим), оставляя ее открытой в верхней части и отказываясь от попытки определения того, что могло бы быть наибольшей значащей единицей (см. об этом также ниже, § 3.2.6.). Следует тем не менее подчеркнуть, что предпочтение, отданное асцендентному методу определения, имеет вторичный характер и обусловлено трудностью определения наибольших значащих единиц, что не свидетельствует, однако, о принципиальной недооценке десцендентного способа.

3.1.3. Принцип ранговой специфичности

Чтобы асцендентное построение требуемой иерархии сигнемных рангов не представляло собой простого повторного применения рекурсивных методов расширения, целесообразно воспользоваться идеей К. Бюлера о неповторимости и невозможности повторяемости отношения между словом и предложением (ср. [2, с. 258J). Применительно к обсуждаемым здесь принципам построения из этого следует, что указанные принципы должны гарантировать для каждого перехода от данного сигнемного ранга R_n к следующему, более крупному сигнемному рангу $R_n + 1$ особое, однозначно отличающее его от всех остальных ранговых переходов определение. Это определение строится путем введения соответствующей *differentia specifica* (ср. [16, с. 138]) для каждого последующего сигнемного ранга.

Введение этих *differentiae specificaе* имеет два важных следствия для построения и характера иерархии сигнемных рангов. Поскольку вновь введенная *differentia specifica* позволяет осуществить дополнительные субспецификации, — что вероятнее всего в порядке вещей, — она может служить не только определением перехода от ранга R_n к рангу $R_n + 1$, но и одновременно общим обозначением для всей группы рангов от $R_n - 1$ до $R_n \neq i$, — которые различаются посредством обсуждавшихся выше субспецификаций. В случае описываемой здесь иерархии сигнемных рангов из этого следует возможность распределения предусматривавшихся до сих пор десяти (одиннадцати) сигнемных рангов по пяти однородным ранговым группам.

Второе важное следствие в известной степени дополняет первое. Поскольку каждая новая *differentia specifica* создает (по определению) своего рода гетерогенность относительно предыдущей ранговой группы и поскольку, с другой стороны, едва ли приходится считаться с тем, что каждая используемая здесь *differentia specifica* обладает одной и той же степенью релевантности для каждого отдельного языка, должны быть предусмотрены соответствующие возможности асцендентной и десцендентной смены рангов (ср. [17, с. 71—73]). В описываемом ниже случае это обеспечивается тем, что известные термины «свободный» и «связанный» уточняются в том смысле, что «свободной по рангу R_n » считается всякая сигнема

2" этого ранга, которая при асцендентной смене рангов без какого-либо дополнения может функционировать как сигнема 2^{n+1} ранга $R_n \neq 1$, в то время как «связанными по рангу R_n » являются все те сигнемы 2^m , которые могут характеризоваться рангом $R_n \neq 1$ только в комбинации с другими сигнемами 2^i , где $1 <^i i < J$ п. В случаях, где при десцендентной смене рангов семема ранга R_n (см. ниже § 3.1.4.) принадлежит сигнификату и, тем самым, сигнеме, которая в силу другой *differentia specifica* уже квалифицируется как сигнема 2^{n-1} ранга $R_n - i$, следует говорить о «редуцированных по рангу обозначениях семем более высокого ранга».

3.1.4. Принцип независимости от конкретного языка

Иерархия сигнемных рангов, рассматриваемая как составная часть *tertium comparationis* при языковом сравнении, ориентированном на означаемое, должна, разумеется, удовлетворять тем же требованиям, что и само *tertium comparationis* в целом, в особенности — требованию нетождественности с *comparand a* — с одной стороны, и требованию совместности в рамках теории с этими *comparanda* — с другой. Оба эти требования необходимо выполнять, с одной стороны, посредством обоснования номного статуса *differentiae specificaе*, вводимых согласно § 3.1.3, и, с другой стороны, на основе того обстоятельства, что все возможные определения для рангов $R > 1$ относятся не непосредственно к соответствующим сигнемам, а к их семемам как к важнейшим связующим звеньям между конкретно-языковой спецификой и независимостью от конкретного языка (см. выше § 1.3.); из этого следует, что полисемичная и/или омонимичная сигнемы, включающие различные семемы, могут принадлежать к неодинаковым сигнемным рангам.

3.2. Спгнемные ранги

Предлагаемое ниже описание дает общее представление об введенных к настоящему времени десяти (одиннадцати) сигнемных рангах; соответствующие определения и условные обозначения в более детальной форме содержатся в [17, 18]. Примеры их применения при десцендентном анализе конкретно-языковых сигнем приводятся в [19] для рангов с R1 по R8 и в [20] для рангов с R7 по R10.

3.2.1. Лексические ранги

В соответствии с § 3.1.2. построение иерархии начинается с низшего сигнемного ранга R1 монем, т. е. с наименьших значащих единиц, или с минимальных сегментов в смысле «первого членения» Мартине. Применительно к семемам этих монем можно выделить* два критерия, которые задают бинарное разбиение всей совокупности монем какого-либо конкретного языка.

Один из этих критериев вытекает из существования компонентов семем, которые дают рефлексивно-метаязыковую информацию о соответствующей сигнеме и/или о ее «весе» в качестве составной части сигнемы более высокого ранга; что же касается предметной области семем, то хотя соответствующая рефлексивно-метаязыковая информация и связана вполне однозначно с конкретным языком, метаинформация может быть сформулирована на любом языке и вследствие этого квалифицироваться как независимая от конкретного языка. Поскольку каждая семема содержит по крайней мере один рефлексивно-метаязыковой компонент такого рода и является носителем информации о принадлежности своей сигнемы к тому или иному конкретному языку, монемы могут подразделяться с по-

мощью этого критерия на: 1) мономы с исключительно рефлексивно-мета-языковыми семемами, например, латинский показатель типа спряжения *-a-* в словоформе *пес-a-ba-n-t* (см. выше § 2.1.), или та семема французского *potme*, которая содержит информацию лишь о роли этого элемента в качестве составной части сигнемы более высокого ранга *potme de terre* «картофель»; 2) мономы, не обладающие исключительно рефлексивно-мета-языковыми семемами, например, составные части *пес-*, *-ba-*, *-n-* и *-t* латинской словоформы *пес-a-ba-n-t*, или переводимая словом «яблоко» семема французского *potme*. Пример с французской мономой *potme* показывает, кроме того, что полисемичная и/или омонимичная сигнемы различными своими семемами могут принадлежать не только различным сигнемным рангам (см. выше § 3.1.4.), но и различным, располагающимся на одном сигнемном ранге сигнемным классам.

Второе подразделение всей совокупности моном конкретного языка известно как разграничение лексических (лексемы) и грамматических (граммемы) моном. Это подразделение, однако, нуждается в новом определении, соотносимом с соответствующими семемами. Обычному указанию на замкнутую парадигму (ср., например [21]) должно было бы довольно точно соответствовать определение, квалифицирующее такие мономы как граммы, семемы которых являются константами или содержат константы, находящиеся друг с другом в нозматической системной связи (последняя непосредственно отражается на соответствующих сигнемных парадигмах). В качестве таких констант рассматриваются в первую очередь логические противопоставления, квалифицируемые как нозматические (типа оппозиции «утвердительный» vs. «отрицательный» или выводимые из нее шестнадцатая юнкторов), а также выводимые из арифметического числового ряда квантитативные оппозиции. Кроме того, речь идет о выводимых на основе соотношения с соответствующим коммуникативным актом дейктических оппозиций или о рефлексивно-мета-языковых оппозициях, полученных косвенным образом из определения более высоких сигнемных рангов. К последним относятся также различающиеся в зависимости от конкретного языка классификаторные парадигмы (типа оппозиций по роду или парадигм классных показателей, например, в языках банту или в языках с числовыми и другими классификаторами), если с их помощью — как обычно — одновременно передается рефлексивно-мета-языковая информация, например, в виде явлений конгруэнтности. Из приводившихся выше примеров латинские мономы *-a-* (рефлексивно-мета-языковая информация о принадлежности к одному из латинских типов спряжения), *-ba-* (темпорально-дейктическая спецификация), *-n-* (квантитативная спецификация) и *-t* (лично-дейктическая спецификация) являются граммемами» лат. *пес-* и франц. *potme* — на этот раз с обеими своими семемами, — напротив, *рег negationem* являются лексемами.

Из этих двух противопоставлений могут быть выведены субспецификации, которые позволяют дать следующее определение двух первых сигнемных рангов не самого нижнего уровня:

Ранг R1: м о н е м а (2¹)

= минимальной с точки зрения сегментации сигнеме.

Ранг R2: а в т о с е м и ч н а я м и н и м а л ь н а я е д и н и ц а (2²)

= объединению

либо

- 1) лексемы с семемой, не являющейся исключительно рефлексивно-мета-языковой,
- и 2) связанных с этой лексемой моном с исключительно рефлексивно-мета-языковыми семемами,

либо

монем с исключительно рефлексивно-мета-языковыми семемами, которые в совокупности выполняют функцию лексемы, содержащей семему, которая не является исключительно рефлексивно-метаязыковой (например, франц. *pomme de terre*).

Ранг R3: словоформа (E²)

= объединению 1) автосемичной минимальной единицы и 2) связанных с этой автосемичной минимальной единицей граммем (возможно, включая связанные с ними монемы с исключительно рефлексивно-метаязыковыми семемами).

Эти три ранга — единственные, определения которых еще не содержат рекурсивно применимых объектов и на основании которых поэтому может быть выведен конечный (существующий в конкретном языке) и исчерпывающим образом исчислимый инвентарь сигнем. Неслучайным, таким образом, является то обстоятельство, что эти ранги соответствуют традиционным предметным областям, с одной стороны, лексикологии и лексикографии (лексемы), с другой — морфологии (граммемы). Для нужд лексикологии и лексикографии рекомендуется в связи с этим определить для ранга R3 более абстрактную единицу-вокабулу (S³), состоящую из одной автосемичной минимальной единицы (или, в случае полиморфии, как у франц. *alter*, из нескольких находящихся в дополнительной дистрибуции внутри соответствующей парадигмы и ноэматически идентичных автосемичных минимальных единиц) и парадигм, связанных с этой (этим) автосемичной (автосемичными) минимальной (минимальными) единицей (единицами) граммем (включая, возможно, связанные с этой граммемой монемы с исключительно рефлексивно-метаязыковыми семемами).

3.2.2. Пропозициональные ранги

После того, как осуществляется объединение лексемы, обладающей неисключительно рефлексивно-метаязыковой семемой 2¹, с монемами, имеющими исключительно рефлексивно-метаязыковые семемы (для ранга R2), и с граммемами (для ранга R3), переход от ранга R3 к следующей группе рангов требует наличия новой *differentia specifica*, обеспечивающей эксплицитное описание объединения двух или более лексем, содержащихся в соответствующем количестве словоформ 2³, с неисключительно рефлексивно-метаязыковыми семемами. Форма наиболее общего характера, к которой могут быть сведены в конечном счете все подобные объединения, — это соотношение какого-либо свойства с носителем свойств (элементом) или множеством носителей свойств (классом). Хотя при такой формулировке возникает ситуация, близкая к давнему спору об универсалиях (который, может быть, так ничем и не закончится), все же антропологической универсалией следует признать тот феномен, что естественные языки ведут себя таким образом, как если бы они стремились подчинить себе как существование свойств, так и существование носителей свойств. Тем не менее они фиксируют различие между этими двумя сущностями, обозначая свойства преимущественно в «свободной от субъекта» (ср. [2, с. 48—49]), т. е. в дефиниционной форме, а носителей свойств — в «соотносимой с субъектом», т. е. в дейктической форме, — как непосредственно (например, в случае с личным местоимением *ich* «я»), так и косвенным образом (например, в случае с собственными именами, кото-

рые понятны лишь на основании знания отправителя (и/или адресата) о предшествовавшем акте крещения].

В ходе обсуждения основных положений грамматики зависимостей Л. Теньера в работах [22; 17, гл. 4; 18, гл. 2] в качестве способа репрезентации такого рода соотнесения свойств с носителем свойств была разработана актантная модель. Тремя ее основными компонентами являются: выступающий в роли носителя свойств или класса носителей свойств актанта (А), выступающий в роли свойства релятор (R) и осуществляющий соотнесение свойств (и в этом случае маркированный положительно) или не осуществляющий эксплицитно такого соотнесения (и в этом случае маркированный отрицательно) предикатор (Р).

Ввиду кажущихся аналогий, которые актантная модель обнаруживает со стеммами Л. Теньера (они восходят к основным идеям работы [8]), необходимо подчеркнуть, что актанты, реляторы и предикаторы следует понимать исключительно как номинативные категории. Только они непосредственно отображаются актантной моделью, в то время как непосредственно отображаемые в грамматике зависимостей сингемы соответствующих конкретных языков могут быть опомасиологически отображены лишь на второй ступени после исчерпывающего семасиологического анализа (см. выше § 2.3.).

Поскольку представленные релятором R свойства могут быть как одноместными GR , так и двухместными (${}_2R$) атрибутами, то отсюда проистекает первая возможность субспецификации вновь введенной *differentia specifica*. Другая возможность субспецификации следует из особенности представленной здесь иерархии сигнемных рангов: поскольку большая часть констант, обозначаемых во многих языках граммемами (ср. выше § 3.2.1.), служит для спецификации семем, локализуемых только на рангах R4 и R5, или их компонентов, эти константы в зависимости от обстоятельств должны снова вводиться после ранга R5, иначе их невозможно было бы принять во внимание в тех случаях, когда язык пользуется для их обозначения средствами, отличными от граммематических. Строго говоря, они образуют отдельную, следующую *differentia specifica*. Однако ввиду их возможного объединения уже в определении словоформ 2^3 ранга R3 кажется предпочтительным помещать их вместе с рангами R4 и R5 в особую группу рангов. Эта группа рангов объединяет следующие ранги:

Ранг R4: композиционная форма (2^4)

=F объединению 1) словоформы

и 2) сигнем 2^{i1} рангов R_i , где $1 < i < 3$,
которые посредством соотнесения одноместных реляторов jR связаны с этой словоформой.

Ранг R5: препозиционная форма (2^5)

= объединению 1) композиционной формы

и 2) сигнем 2^i рангов R_i , где $1 < i < 4$,
которые посредством соотнесения двухместных реляторов ${}_2R$ связаны с этой композиционной формой.

Ранг R6: специфицированная препозиционная форма (2^6)

= объединению 1) препозиционной формы

и 2) сигнем S^i рангов R_i , где $1 < i < 5$,
семемы которых являются постоянными спецификациями компонентов актантной мо-

дели, соответствующей этой пропозиции,, или содержат эти спецификации.

3.2.3. Ранги предложения

В качестве новой *differentia specifica*, обеспечивающей переход от ранга R6 к следующей группе рангов, служит *ассерция*, с помощью которой отправитель сообщения ОЕ (см. выше § 2.2.) принимает на себя коммуникативную нагрузку, с тем чтобы при прочих равных условиях пропозициональное содержание произнесенной им специфицированной пропозициональной формы 2⁶ и соответствующие этому пропозициональному содержанию экстенциональная среда в данной денотативной области были согласованы друг с другом. Эта ассерция может либо непосредственно передаваться отправителем ОЕ, например, в случае обычного высказывания, либо быть особо маркирована как отсутствующая и вследствие этого требующая дополнительной передачи. Этот второй случай соответствует значительной части того, что принято называть *речевыми актами*, и представляет собой первый шаг к систематизации этих речевых актов, основывающийся на следующих двух различиях: отправитель ОЕ может адресовать требование о передаче недостающей ассерции себе самому (ОЕ), адресату (ОЕ) или третьему лицу (ОЕ); отсутствующее коммуникативное требование взаимности при согласовании пропозиционального содержания и экстенциональных характеристик может быть реализовано либо в форме ассерции пропозиционального содержания (языковыми средствами), либо путем создания соответствующей экстенциональной среды (неязыковыми средствами). Из этих двух различий следует приводимая ниже шестичленная таблица, которая, естественно, может служить для осуществления дальнейших (в ряде случаев вполне очевидных) субспецификаций:

Таблица 2

В форме	Ассерция, требуемая от		
	Говорящего ОЕ	Слушающего ОЕ	ОЕ
Языковых средств	Риторический вопрос, на который должен отвечать говорящий INRH	Вопрос INT	Риторический вопрос, на который не может быть дан ответ ШОР
Неязыковых средств	Обещание, обязательство, угроза и т. д. PROM	Просьба, приказ, запрещение и т. д. IMP	Желание OPT

Третья группа рангов охватывает, таким образом, два следующих сигнемных ранга —

Ранг R7: пропозициональная форма, специфицированная относительно речевого акта (E')
= объединению 1) специфицированной пропозициональной формы 2⁶
и 2) сигнем 2' рангов Ri, связанных с этой специфицированной пропозициональной формой (2⁶), где $1 \leq i \leq 6$; семемы этих сигнем

являются спецификациями относительно речевых актов или содержат такие спецификации.

Ранг R8: ассертированная пропозиционная форма (2*)

= либо объединению 1) специфицированной пропозициональной формы 2⁶

и 2) связанных с этой специфицированной пропозициональной формой 2^с сигнем 2\ где $1 < i < 7$; семемы этих сигнем являются ассерциями или содержат их,

либо паре, состоящей из:

1) специфицированной относительно речевого акта пропозициональной формы 2⁷

и 2) сигнемы 2^г рангов R_i, где $1 < i < 8$; семема этой сигнемы является соответствующей реакцией на речевой акт или содержит ее, в частности, например, из вопроса и ответа на него или из приказа и описания его выполнения.

3.2.4. Пресуппозиционная структура

Ассертированные пропозиционные формы S⁸ ранга R8, располагающиеся в одной и той же последовательности сигнем, и — по крайней мере, по некоторым критериям — пропозициональные формы 2⁷ ранга R7, специфицированные относительно речевых актов, могут обнаруживать определенные общие признаки и в этом случае объединяться в конструкции, которые в свою очередь предполагают соответствующий общий признак. Такие общие признаки могут, таким образом, служить для того, чтобы определять как новые *differentiae specificaе* соответствующие пресуппозиционные структуры, выступающие в качестве сигнем рангов R[^] > 8. Поскольку, однако, различные пресуппозиционные структуры не только связаны друг с другом, но и допускают неограниченно-рекурсивное подчинение друг другу, все эти пресуппозиционные структуры следует квалифицировать как сигнемы 2⁹ отдельного ранга R9, допуская между ними самые разнообразные комбинаторные отношения (в связи с первоначальной попыткой распределить различные пресуппозиционные структуры по различным сигнемным рангам R[^] > 8 ср. справедливую критику в [23; с. 140—144; 16, с. 143—144]). В разработанной к настоящему времени иерархии сигнемных рангов предусмотрены следующие пресуппозиционные структуры 2⁹ ранга R9:

Ассертивная пресуппозиционная структура (2^{9е}), определяемая как цепочка сигнем 2⁸ или сигнем 2⁸ и 2⁷, в которых каждый непервый член в какой-либо форме — преимущественно в форме выражения «согласия» (Konsens) или «разногласия» (Dissens) — соотносится с ассерцией предыдущей сигнемы 2⁸.

Актантная пресуппозиционная структура (2^{9а}), определяемая как цепочка сигнем 2⁷ и/или 2⁸ (или как цепочка таких цепочек), каждая из которых содержит по меньшей мере один набор актантов, кореферентный с набором актантов, содержащимся в предыдущей (анафорическая идентификация) или в последующей (катафорическая идентификация) сигнемах 2⁷ или 2⁸.

Монологическая пресуппозиционная структура $(2^{9K^i(M_{i+1})})$, определяемая как цепочка сигнем $2^{\wedge 8}$, среди которых есть по крайней мере одна сигнема 2^7 или 2^8 и которые все без исключения исходят от одного и того же отправителя $0E_{(M, a)}$ к одному и тому же адресату (или кругу адресатов) $0E^{\wedge_{i(1i)}}$.

Диалогическая пресуппозиционная структура (2^{**}) , определяемая как цепочка, состоящая из p монологических пресуппозиционных структур — от 2^i $\wedge$ до 2^p ($^{\bullet} P$ в которой в каждой $^{\bullet} K^i$ монологической пресуппозиционной структуре 2^i $\wedge$ (где $1 \wedge i \wedge p$), помимо отправителя $0EQI$, P участвуют все остальные отправители от $0E_{(M_i)}$ до $0E_{(M_p)}$ и все адресаты от $0E^{\wedge_{x_i}}$ до $0E^{\wedge_p}$). Как только отправителем более высокого ранга $0E^{v-1}$ осуществляется референция и/или ассерция в отношении диалогической пресуппозиционной структуры 2^i или цепочки из m диалогических пресуппозиционных структур от 2^{i-1} до 2^i , на следующем коммуникативном уровне K^{v-1} она автоматически превращается в

Полнофункциональную пресуппозиционную структуру (2^{9K}) , где можно разграничить различные коммуникативные уровни от K^1 до K^n , на которых следует локализовать соответствующие диалогические пресуппозиционные структуры 2^i (в этой структуре $1 \wedge i \wedge n$ $1 \wedge j \wedge m$); составная часть самого высокого ранга этих диалогических пресуппозиционных структур — 2^{9K^i} — соответствует так называемому гиперпредложению, которое вводит отправителя $0E^i$ и адресата (адресатов) $0E^i$ высшего коммуникативного уровня K^1 . Ввиду неограниченно-рекурсивных возможностей ранга $R9$ необходимо допустить для всех упомянутых в § 3.2.4. позиций 2^7 , 2^8 и $2^{\wedge 8}$ также все сигнемы 2^9 ранга $R9$ за исключением гиперпредложения 2^{9K^i} .

3.2.5. Текстовые ранги

Для перехода от ранга $R9$ к более высоким рангам $R^{\wedge 9}$ необходимы новые дифференциальные спецификации, которые, во-первых, способны специфицировать пресуппозиционную структуру 2^9 как целое и, во-вторых, уже не вводятся на ранге $R^{\wedge 9}$. Три возможности такого рода спецификации предусмотрены в качестве критериев в постулируемом в настоящее время варианте иерархии сигнемных рангов:

- (1) Пресуппозиционная структура 2^7 может быть специфицирована в соответствии с тем, каким точкам денотативной области W_i или областей W_i принадлежат экстенциональные соответствия интенциональных определений, содержащиеся в этой пресуппозиционной структуре 2^7 . В свою очередь эти денотативные области W_i должны быть определены интенционально, так, чтобы, во-первых, мог быть гарантирован возможный статус этой спецификации, который, согласно § 3.1.4., необходим для того, чтобы эта спецификация служила для определения нового сигнемного ранга, и чтобы, во-вторых, эксплицитное описание отношений между различными денотативными областями W_i было возможно там, где внутри одной и той же пресуппозиционной структуры 2^9 референция осуществляется последовательно (как, напри-

мер, в баснях, ср. [24]) или одновременно (ср. [20]) к нескольким денотативным областям W_i . С помощью этой спецификации можно разделить

Специфицированную пресуппозиционную структуру (2^{1ns}) как объединение 1) пресуппозиционной структуры 2^9

и 2) сигнем 2^1 (в последних $1 <^{\wedge} i <^{\wedge} 9$), семемы которых содержат спецификации денотативной области (областей), к которой (которым) в этой пресуппозиционной структуре 2^9 осуществляется референция.

- (2) Для специфицированной пресуппозиционной структуры 2^{1os} передающий сообщение (в том числе и на более высоком коммуникативном уровне K) отправитель 0E может дополнительно обеспечить, чтобы указанная структура являлась текстом (как бы этот отправитель 0E ни интерпретировал термин «текст»). Посредством этого отправитель 0E осуществляет такое же коммуникативное требование взаимности, как и в случае введенной выше в § 3.2.3. ассерции. С помощью этой текстовой ассерции может быть дано определение ас-сертированной посредством текста пресуппозиционной структуры (2^{1ot}) как объединения

1) специфицированной пресуппозиционной структуры 2^{1os} и 2) сигнем 2^1 (в этих структурах $1 < j i < 10$), семемы которых являются текстовыми ассерциями или содержат их.

- (3) Определенные спецификации, такие, как обозначение текста посредством названия или заголовка, предполагают существование текстовой ассерции и поэтому при десцендентном анализе представляют собой эксплицитную гарантию наличия текстовой ассерции (в противном случае, возможно, лишь имплицитной).

При асцендентном построении иерархии сигнемных рангов с помощью этих спецификаций может быть определена специфицированная ас-сертированная посредством текста пресуппозиционная структура (2^{1on}), рассматриваемая как объединение 1) ас-сертированной посредством текста пресуппозиционной структуры 2^{1ot}

и 2) сигнем 2^1 (в этих структурах $1 <^{\wedge} i <^{\wedge} 10$), семемы которых являются соответствующими текстовыми спецификациями или содержат их.

Для ранга R10, как и для ранга R9, существует возможность рекурсивных упорядочений — например, посредством разного рода текстовых ассерции, которые передаются различными отправителями $0E^V$ на различных коммуникативных уровнях, и, в соответствии с этим, различных комбинаторик. По этой причине невозможно соотнести с тремя различными сигнемными рангами три различающихся здесь типа сигнем 2^{1o} — специфицированную пресуппозиционную структуру 2^{1os} , ас-сертированную посредством текста пресуппозиционную структуру 2^{1ot} и специфицированную ас-сертированную посредством текста пресуппозиционную структуру 2^{1on} . По той же причине, если пресуппозиционной структуре 2^{9o} на коммуникативном уровне $K^{<1}$ подчинена переданная отправителем

0E⁷¹ текстовая ассерция, необходимо переименовать все пресуппозиционные структуры 2⁸⁰ — где о означает введенные в § 3.2.4. специфицирующие индексы E, A и K (кроме K¹, см. об этом также ниже, § 3.2.6.) — в соответствующие сигмемы 2¹⁰⁰.

3.2.6. Открытость иерархии сигменных рангов

Поскольку все введенные для ранга R10 спецификации — спецификация денотативной области (областей), текстовая ассерция и текстовые спецификации — передаются отправителем OE, и этот отправитель OE в свою очередь также должен быть каким-либо образом введен в рассмотрение, то и этот ранг R10, как и все остальные определенные до сих пор ранги, необходимо подчинить гиперпредложению полиорациональной пресуппозиционной структуры 2^{9K} (ср. выше § 3.2.4). В нынешнем варианте иерархии сигменных рангов для этого достаточно переименовать предусмотренную там сигмему 2^{9K*} в 2^{11K*}, и квалифицировать это гиперпредложение 2^{11K*}, как единственно возможную сигмему ранга R11.

Это решение тем не менее носит пока лишь временный характер, поскольку при дальнейшем асцендентном построении иерархии сигменных рангов может оказаться необходимым либо сдвинуть это гиперпредложение 2^{11K*} еще дальше вверх, либо, сохраняя предложенное решение проблемы для ранга R11, ввести новое гиперпредложение еще более высокого ранга. Разумеется, локализуемые рангом R10 тексты не могут, подобно монадам, не состоять друг с другом ни в каких взаимных отношениях. Легко представить себе, что по аналогии с ассертивными пресуппозиционными структурами 2^{9E} могут быть определены и такие группы, как текст и пародия или научная статья и рецензия; по аналогии с актантными пресуппозиционными структурами 2^{9A} — такие группы, как тексты, в которых обсуждается один и тот же предмет; или, по аналогии

с монологическими пресуппозиционными структурами 2^{9K^v} (>*⁹⁰), — такие группы, как совокупность текстов одного автора. Какому бы из этих путей ни следовать, в любом случае мы окажемся перед необходимостью вводить для образованных таким образом сигмем 2¹¹ (в этих последних п⁹ = 12) некоторую разновидность ассерции, локализирующуюся рангом Rn ≠ 1, а для ранга Rn = 2 — необходимый для этого генератор ассерции.

Нигде, таким образом, не удастся избежать той ситуации, когда ассертивное сообщение о чем-либо, сообщение о включенной в этот процесс ассерции и сообщение об опять-таки необходимом здесь генераторе ассерции как бы «соревнуются» друг с другом. Но из-за этого обстоятельства асцендентно строящаяся иерархия сигменных рангов должна оставаться открытой в верхней части не только по той причине, что она еще не разработана выше определенного ранга, но и потому, что из принципиальных соображений она обязана быть открытой в верхней части.

4. Уровень абстракции

В заключение следует поставить вопрос, который возникает при включении в исследование текстов или целого класса текстов — например, текста определенного литературного жанра или текста, относящегося к определенной отрасли науки. Этот вопрос должен был бы ставиться уже на низших рангах неминимальных сегментов не только первого, но и второго членения (ср. об этом [25]). Поскольку существуют многоязычные тексты, как, например, дошедшие из средневековой Испании арабские

(или древнееврейские) стихи с заключительной строфой на испанском (ср. [26]), и поскольку текст следует рассматривать как реализацию сигнемы 2^{10T} ранга R10, возникают следующие вопросы: во-первых, можно ли в связи с этим говорить о многоязычных сигнемах, и, если да, то, во-вторых, как совместить описание многоязычных сигнем с зависимостью сигнемы от отдельного языка. Поскольку на первый из этих двух вопросов следует ответить утвердительно, то необходимо заострить внимание на втором вопросе, затрагивающем в конечном счете проблему соотношения сигнем в отдельном языке и в нескольких языках.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо уточнить уровни абстракции, на которых говорится о языках, отдельных языках и т. п., а также постулируется противопоставление, с одной стороны, зависимости от конкретного отдельного языка и, с другой стороны, независимости от конкретного языка, а кроме того, от одного языка и нескольких языков. При разрешении сосюровского бинарного противопоставления конкретной речи (*parole*) и абстрактного языка (*langue*) в иерархии подчиненных друг другу уровней абстракции я следую в основном [27, 28] и, в соответствии с этим, различаю следующие 4 уровня:

нулевой уровень абстракции, на котором локализуются упомянутые выше в § 1.1. четырехмерные множества, акустических или оптических пространственно-временных координат или классы таких множеств;

первый уровень абстракции, на котором локализуются идиолекты одного временного среза; эти последние, в свою очередь, объединяясь в классы, могут быть на основе критерия подобия или производных от него критериев преобразованы в увеличивающиеся по объему диа-, хроно- и/или социолекты, а на их основе — в исторические языки и, в свою очередь, — в языковые семьи и/или группы различного объема;

второй уровень абстракции, на котором локализуется соотносенная «одним идиолектом одного временного среза система (системы); предусмотренным на первом уровне абстракции классам идиолектов одного временного среза здесь соответствуют классы соответствующих упорядоченных систем; и

третий уровень абстракции, на котором локализуются полученные из одного класса (под)систем диасистемы; простейшим примером применяемых при построении диасистем методов служит преобразование различий между (под)системами в диасистемные симптомо- и/или сигнально-функциональные (см. выше § 1.2.) оппозиции символично-функциональных синонимов (ср. нем. *Samstag* vs. *Sonabend* «суббота» или франц. *septante* vs. *soixante-dix* «семьдесят»).

Для рассматриваемого здесь вопроса важно указать на то, что образование диасистем третьего уровня абстракции предусматривалось первоначально для того, чтобы применительно к классам идиолектов одного временного среза — диалектам, языкам, языковым семьям — также иметь возможность говорить о системах языка (*langue*) в сосюровском смысле (а не только о классах систем, как на втором уровне абстракции). Однако в соответствии с определением, образование диасистемы из данных подсистем, в отличие от предусмотренного на первом уровне абстракции образования классов идиолектов одного временного среза, все же не связано с критерием подобия. Поэтому необходимо дополнительно уточнить, что термин «отдельный язык» с самого начала следует понимать как особую диасистему третьего уровня абстракции и констатировать, что обсуждаемая здесь многоязычность текстов или иных сигнем обычно касается исторических языков первого уровня абстракции. Для того чтобы устранить

кажущуюся внутреннюю противоречивость сигнемы, конкретно-языковой и многоязычной одновременно, необходимо лишь построение общей диасистемы, что доказывает зависимость от отдельных языков таких многоязычных сигнем. То обстоятельство, что в случаях, аналогичных упомянутому примеру с арабско-испанскими и древнееврейско-испанскими многоязычными текстами, основным критерием выбора подсистем, объединяемых в единой диасистеме, служит не подобие (это никем и не предполагается) соответствующих этим подсистемам исторических языков — арабского (соответственно, древнееврейского) и испанского, — а их совместная встречаемость в одной исторической ситуации многоязычия, вполне очевидно.

^СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heger K. AuBersprachlichkeit— Aufiereinzelsprachlichkeit— Obereinzelsprachlichkeit // Logos semantikos. Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu 1921—1981/ Ed. by Geckeler H., Schlieben-Lange B., Trabant J., Weydt H. V. II. Berlin; New York; Madrid, 1981.
2. Biihler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934 (2. Aufl.—Stuttgart, 1965).
3. Heger K. «Zeigfeld» und «Symbolfeld» // Karl Biihlers Axiomatik. Fiiufig Jahre Axiomatik der Sprachwissenschaften / Hrsg. von Graumann C. F., Herrmann T. Frankfurt-am-Main, 1984.
4. Heger K. Fifty years of linguistics. Four examples // FL. 1986. 20.
5. Heger K. Karl Biihlers «Sprachtheorie» und die Sprachwissenschaft der letzten fiiufig Jahre // Karl Biihler's theory of language: Proc. of the conferences held at Kirchberg, August. 26, 1984 and Essen, November 21—24, 1984 / Ed. by Eschbach A. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
6. Heger K. Die Bezeichnung temporal-deiktischer Begriffskategorien im franzosischen und spanischen Konjugationssystem. Tübingen, 1963.
7. Heger K. Temporale Deixis und Vorgangsquantitat («Aspekt» und «Aktionsart») // Z. für romanische Philologie. 1967. 83.
8. Tesnière L. Elements de syntaxe structurale. P., 1959.
9. Baldinger K. Semantic theory. Towards a modern semantics. Oxford, 1980.
10. Heger K. «Concepts» and «noemes» // Language invariants and mental operations. International interdisciplinary conference held at Gummersbach, Cologne, Germany, September 18—23, 1983/ Ed. by Seiler H., Brettschneider G. Tübingen, 1985.
11. Ogden Ch. K., Richards I. A. The meaning of meaning. N. Y.; L., 1923.
12. Heger K. Von Dreiecken, Trapezen und anderen Polygonen//Romania ingeniosa. Festschrift für Gerold Hilty zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Liidi G., Strieker H., Wuest J. Bern; Frankfurt-am-Main; New York; Paris, 1987.
13. Raible W. Zur Einleitung// Zur Semantik des Franzosischen. Beitrage zum Regensburger Romanistentag / Hrsg. von Stimm H., Raible W. Wiesbaden, 1983.
14. Pettier B. Recherches sur l'analyse semantique en linguistique et en traduction mecanique. Nancy, 1963.
15. Heger K. Personale Deixis und grammatische Person // Z. für romanische Philologie. 1965. 81.
16. Giiilich E., Raible W. Linguistische Textmodelle— Grundlagen und Moglichkeiten. München, 1977.
17. Heger K. Monem, Wort, Satz und Text. 2. Aufl. Tübingen, 1976.
18. Heger K., Mudersbach K. Aktantenmodelle. Aufgabenstellung und Aufbaueregeln. Heidelberg, 1984.
19. Heger K. Flexionsformen, Vokabeln und Wortarten. Heidelberg, 1985.
20. Heger K. Text coherence in a dialogical presuppositional group: Chapter XXXI of Unamuno's «Niebla» // Connexity and coherence. Analysis of text and discourse / Ed. by Heydrich W., Neubauer F., Petofi J. S., Sozer E. B. N. Y., 1989.
21. Martinet A. Elements de linguistique generate. P., 1960. P. 117.
22. Heger K. Valenz, Diathese und Kasus// Z. für romanische Philologie. 1966. 82.
23. Raible W. Vergleich mit der von Klaus Heger durchgefiihrten Textanalyse // Linguistische Textanalyse. Überlegungen zur Gliederung von Texten / Hrsg. von Giiilich E., Heger K., Raible W. Hamburg, 1974 (2-te Aufl.—Hamburg, 1979) (Перепечатано

- в Grammars and descriptions/ Ed. by Teun A. van Dijk, Petuſi J. S., B.; N. Y., 1977).
24. *Heger K.* Signemrange und Textanalyse // Linguistische Textanalyse. Überlegungen zur Gliederung von Texten / Hrsg. von Giiilcn E., Heger K., Raible W. Hamburg, 1974 (Перепечатано в Grammars and descriptions Y Ed. by Teun A. van Dijk, Petuſi J. S. B.; N. Y., 1977).
 25. *Heger K.* Signemas pkiirilingiies // Philologica hispaniensiа in honorem Manuel Alvar. II: Linguistica. Madrid, 1985.
 26. *Heger K.* Die bisher veröffentlichten Hargas und ihre Deutungen. Tübingen, 1960.
 27. *Lieb H.-H.* Sprachstadium und Sprachsystem. Umrissе einer Sprachtheorie. Stuttgart, 1970.
 28. *Lieb H.-H.* Integrational linguistics. V. I: General outline. Amsterdam; Philadelphia, 1983.

Перевел с немецкого *Куликов Л. И.*